

Каретникова В.А.

Роль сената и аристократических группировок в выдвижении кандидатур на должность консула (III-II вв. до н.э.)

[Stable URL: <http://elar.uniyar.ac.ru/jspui/handle/123456789/1965>]

[Публикация работы:]

Каретникова В.А. 2011: Роль сената и аристократических группировок в выдвижении кандидатур на должность консула (III-II вв. до н.э. // Реальность. Ретроспекция. Реконструкция: Проблемы всемирной истории: Сб. науч. тр. / В.В. Дементьева, М.Е. Ерин (отв. ред.). Ярославль, 26-31.

НАУЧНО-ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫЙ
ЦЕНТР АНТИКОВЕДЕНИЯ
ЯРОСЛАВСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА
ИМ. П.Г. ДЕМИДОВА
ЯРОСЛАВЛЬ, РОССИЯ

THE SCIENTIFIC & EDUCATIONAL
CENTRE FOR CLASSICAL STUDIES
AT YAROSLAVL DEMIDOV STATE UNIVERSITY
YAROSLAVL, RUSSIA

DAS WISSENSCHAFTLICHEN FORSCHUNGS- UND
STUDIENZENTRUM FÜR DIE GESCHICHTE,
KULTUR UND RECHT DER ANTIKE
DER STAATLICHEN DEMIDOW-UNIVERSITÄT JAROSLAWL
YAROSLAWL, RUSSLAND

РОССИЙСКАЯ АССОЦИАЦИЯ АНТИКОВЕДОВ
RUSSIAN SOCIETY OF CLASSICAL STUDIES

НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ И ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫЙ ФОНД
«ЦЕНТР ИЗУЧЕНИЯ РИМСКОГО ПРАВА»
ЯРОСЛАВСКИЙ ФИЛИАЛ
THE RESEARCH AND EDUCATIONAL FOUNDATION
“THE CENTRE FOR ROMAN LAW STUDIES”
YAROSLAVL BRANCH

ЯРОСЛАВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ИМ. П.Г. ДЕМИДОВА
YAROSLAVL DEMIDOV STATE UNIVERSITY

Роль сената и аристократических группировок в выдвижении кандидатур на должность консула (III–II вв. до н. э.)¹

Вопрос о выдвижении кандидатур на консульскую должность в III–II вв. до н. э. тесно связан с проблемой политического влияния сената и аристократических объединений. В предшествующее время, в период ранней Республики, *patres* могли существенно повлиять на формирование списка кандидатов². Как обстояли дела теперь? Могла ли отдельная группировка выдвинуть кандидатуру определённого человека и обеспечить ему достойную поддержку на выборах? Высказывал ли своё мнение по этому вопросу сенат? Претендовали ли на должности люди, не являвшиеся ничьими ставленниками?

Некоторые исследователи придерживаются мнения, что важную роль в предвыборной борьбе в период поздней Республики играли аристократические объединения. Л. Р. Тэйлор полагала, что в римской политике наиболее важную роль играли отдельные влиятельные люди из знатных семей, пользовавшиеся поддержкой своих друзей и родственников³. Г. Скаллард писал о могущественных группировках Фабиев и Сципиона Эмилиана⁴. В отечественной историографии С. Л. Утченко доказывал, что политическое значение родственных объединений, а также предвыборных соглашений и союзов было существенным⁵. С точки зрения В. А. Квашнина, отдельные группировки, в частности Фабиев – Клавдиев, контролировали большинство магистратур в начале II в. до н. э.⁶

Однако в статье Э. Груэна этот подход подвергается критике как «слишком схематичный» и «недостаточно обоснованный»⁷. Этот автор обращает внимание на роль *patres*, входивших в состав сената, в выработке общей позиции правящей элиты по тем или иным важным вопросам⁸. Тезис о том, что авторитет этого органа и в период поздней Республики был чрезвычайно велик, разделяют также М. Бирд, М. Кроуфорд и Э. Линтотт⁹. Последний считает, что в период поздней Республики в Риме не существо-

вало устойчивых политических группировок в сколько-нибудь значительных масштабах¹⁰.

Однако Э. Шервин-Уайт указывал, что, несмотря на сохранявшийся авторитет, сенат был в силах разрешать лишь отдельные спорные вопросы. Например, он мог даровать одному из кандидатов разрешение добиваться должности даже вопреки закону (так называемую *privilegia*)¹¹. Близкую к этой позицию занимает Н. Н. Трухина, которая признаёт роль сената как органа согласования противоречий, но указывает, что в III–II вв. до н. э. они стали возникать гораздо чаще именно потому, что вокруг влиятельных политиков образовывались сильные группировки, каждая из которых отстаивала свои интересы¹². Н. Н. Трухина посвятила отдельную статью противостоянию объединений, сложившихся вокруг центральных фигур римской политики II в. до н. э. – Катона Старшего и Сципиона Африканского Старшего¹³.

Решение вопроса о том, кому чаще всего принадлежала инициатива при выдвижении кандидатур на консульскую должность, позволит определить роль сената в римской политике рассматриваемого периода. При этом нужно учитывать, что немногочисленные данные источников, которые могут пролить свет на изучаемую проблему, освещают главным образом конфликтные ситуации. Однако отмеченный рост количества подобных конфликтов сам по себе позволяет сделать некоторые выводы.

В III–II вв. до н. э. сенат продолжал влиять на решение вопроса о том, кто станет консулом в том или ином году. Например, сенаторы, по сведениям Ливия, отстаивали кандидатуру Гая Клавдия Нерона и даже подбирали ему будущего коллегу. Когда они выбрали Марка Ливия, им никто не возразил; напротив, народ послушно избрал и того и другого (*Liv.* XXVII. 34.1–3, 9–11, 14). Известны и другие случаи, когда поддержка сената оказывалась результативной (*Liv.* X. 11.3; XXII. 35.2; XXVII. 34.1–3, 11, 15; XXXV. 24.5). Однажды сенаторы даже уговорили других соискателей снять свои кандидатуры, чтобы на выборах победил человек, которого они поддерживали (*Liv.* XXII. 35.4). Им удалось воспрепятствовать избранию в консулы Марка Эмилия Лепида (*Liv.* XXXVII. 47.6).

Иногда *patres* выступали как арбитры в спорах между плебейскими трибунами и кандидатами: например, они помогли Титу Квинцию Фламинину добиться консульской должности (*Liv.* XXXII. 7.11; *Plut.* Flam. 2). Одним из механизмов влияния сената было обращение за помощью к авгурам или гаруспикам, которые объявляли о неблагоприятных знамениях. В результате уже избранных консулов вынуждали отказаться от должности (*Liv.* XXIII. 31. 13; *Cic.* De Nat. Deor. II. 10.11; De Div. I. 33; *Plut.* Marc. 5, 12; *Val. Max.* I. 1.3).

Однако способен ли был сенат всецело контролировать выдвижение кандидатур? Очевидно, не всегда. Во-первых, появились люди, готовые добиваться благосклонности народа с целью достижения магистратур, критикуя сенат, и их действия были вполне успешны. Враждебность сената по отношению к таким кандидатам не мешала им получить должность. Гай Фламиний становился консулом дважды. В первый раз сенаторы, ссылаясь на неблагоприятные знамения, попытались лишить его должности. Показательно, что он подчинился не сразу (*Liv.* XXI. 63.2; *Plut.* Marc. 4). Во второй раз, опасаясь подобных действий, Фламиний уехал из Рима сразу после своего избрания, до вступления в должность. Попытки сената вернуть его не увенчались успехом (*Liv.* XXI. 63. 5, 11). Ливий неоднократно подчёркивает, что *patres* ненавидели Фламиния (*Liv.* XXI. 63.8; XXII. 1.5). Возможно, такое отношение было вызвано именно тем, что этот человек был одним из немногих (а в тот момент, возможно, и единственным), кто осмелился не покориться воле сенаторов.

Гай Теренций Варрон стал консулом также вопреки мнению сената (*Liv.* XXII. 34. 2). Когда *patres* решили воспрепятствовать получению этой должности популярным Марцеллом, отослав его из Рима, народ добился отсрочки выборов, в результате которых Марцелл был избран (*Liv.* XXIII. 31. 7–9, 12–13). И наоборот, поддержка сенаторов, оказанная ими двоюродному брату Сципиона Африканского, не помогла ему получить консулат (*Liv.* XXXV. 10. 9).

Во-вторых, зачастую даже сенат оказывался бессилён помочь борющимся группировкам нобилитета прийти к единому мнению о том, кто будет консулом в следующем году, поскольку

амбиции отдельных семей чрезвычайно возросли (см., напр., *Liv.* XXXV. 10. 4–5; XXXIX. 32. 7–8; XXXIX. 40. 2). Только в случаях относительной пассивности народа и при отсутствии могущественных соискателей должностей или при возникновении острых конфликтов мнение сената было решающим. Приведём пример, относящийся к соисканию должности цензора. Когда Маний Ацилий Глабрион в 190 г. выдвинул свою кандидатуру на эту должность, его привлекли к суду (*Liv.* XXXVII. 57. 9–15). Э. Груэн расценивает это как вполне успешную попытку срыва его предвыборной кампании¹⁴. С такой точкой зрения вполне можно согласиться, тем более что плебейские трибуны отказались от обвинения, как только Глабрион снял свою кандидатуру. Луция Корнелия Сципиона спасло от тюрьмы только вмешательство Тиберия Гракха-отца (*Liv.* XXXVIII. 57–60; *Plut.* Cato Mai. 15. 2). Однако в других случаях попытки выступления пусть даже и значительной части аристократии против определенных кандидатов могли не иметь успеха – доказательством является предвыборная борьба за цензуру 184 г. до н. э. (*Liv.* XXXIX. 40, 2; 41.1–4; *Plut.* Cat. Mai. 16).

Разногласия в сенате по поводу кандидатур тесным образом были связаны с появлением политических объединений. Следует добавить только, что в источниках, повествующих о событиях III в. до н. э., нет данных, которые позволили бы нам говорить о существовании таких союзов. Но с начала II в. до н. э. они, по-видимому, стали распространённым явлением, поставив под угрозу влияние сената.

Ярким примером такого объединения может служить группа, сплотившаяся вокруг Сципиона Африканского Старшего. Известно, что в 190 г. ему удалось добиться избрания на консульскую должность сразу двоих своих ставленников: родственника Луция Корнелия и друга Гая Лелия (*Liv.* XXXVI. 45.9). Покровительством влиятельных людей пользовались, по всей видимости, и Марк Порций Катон Старший (*Plut.* Cato Mai. 3,10), и Гай Марий (*Plut.* Mar. 4). Однако стабильность такого рода союзов не следует преувеличивать. Они формировались вокруг видных политических деятелей, обладавших значительным количеством

сторонников. Последние же могли перестать оказывать поддержку своему лидеру, особенно если их связывала с ним не столько личная дружба, сколько надежды на политические выгоды. Нельзя забывать и о том, что конкуренция в борьбе за консульскую должность постоянно возрастала. Если применительно к III в. до н. э. Ливий ни разу не упоминает об остром соперничестве на выборах, то, описывая события II в. до н. э., он делает это пять раз, объясняя эту борьбу большим количеством кандидатов (*Liv.* XXXV. 10.1; XXXV. 24.4; XXXVII. 47.6; XXXIX. 32.6; XLI. 28.4).

Кроме того, мы можем говорить о существовании как в III, так и во II вв. до н. э. таких кандидатов, которые не опирались ни на поддержку сената, ни на поддержку влиятельных людей. По крайней мере, у нас нет сведений о такой поддержке. Напротив, и *patres* в целом, и отдельные аристократы были настроены враждебно по отношению к ним – либо ввиду низкого происхождения, либо из зависти. К их числу мы можем отнести Гая Фламиния, Гая Теренция Варрона, Марка Марцелла. Известны примеры отказов от должности уже избранных магистратов, не выдвигавших своей кандидатуры, – то есть попытки сената и/или народа навязать человеку консулат не всегда были успешны. (*Liv.* X. 9.10; 15.9).

Таким образом, в III в. до н. э. сенат, как и в более ранний период, сохраняет своё влияние на отбор кандидатов в магистраты. Однако постепенно он в дальнейшем утрачивает контроль над этим процессом. По всей вероятности, это происходило вследствие появления (начиная со II в. до н. э.) отдельных могущественных группировок, отстаивавших свои интересы, согласовать которые было если и возможно, то, по крайней мере, непросто. В результате их соперничества инициатива в выдвижении кандидатуры постепенно переходила к отдельным соискателям, что, без сомнения, стимулировало повышение состязательности римских выборов. Влиятельные аристократы и их окружение становились только ценными союзниками в борьбе за магистратские должности, а одна-единственная группировка не могла обеспечить успех своему ставленнику. Одобрение же кандидатуры сенатом стало полезным, но отнюдь не обязательным преимуще-

ством в борьбе за должность, а влияние этого органа на исход выборов неизбежно ослабло.

Примечания

¹ Статья подготовлена в рамках исследования «Соискание магистратских должностей в Римской Республике III–I вв. до н. э.», выполняемого по Госконтракту П47 от 02.04.2010 г., в рамках Госконтракта № 16.740.11.0104 и при поддержке РФФИ, грант 10-06-00140-а.

² Каретникова В. А. Выдвижение кандидатур на высшую ординарную должность Римской Республики 509–367 гг. до н. э. // Ярославский хронограф. Ярославль: ЯрГУ, 2008. С. 8–11.

³ Taylor L. R. Party Politics in the Age of Caesar. Berkeley and Los Angeles, 1949. P. 8–24.

⁴ Scullard H. Roman Politics 220–150 B. C. Oxford, 1951. P. 31, 39–44.

⁵ Утченко С. Л. Политические учения Древнего Рима III – I вв. до н. э. М., 1977. С. 62, 64.

⁶ Квашинин В. А. Государственная и правовая деятельность Марка Порция Катона Старшего. Вологда, 2004. С. 33.

⁷ Gruen E. S. The Exercise of Power in the Roman Republic // City States in Classical Antiquity and Medieval Italy. Athens and Rome. Florence and Venice. Stuttgart, 1991. P. 253–254.

⁸ Ibid. P. 267.

⁹ Beard M., Crawford M. Rome in the Late Republic. Problems and Interpretations. L., 1985. P. 58, 61; Lintott A. The Constitution of the Roman Republic. Oxford, 1999. P. 196–197.

¹⁰ Ibid. P. 175.

¹¹ Sherwin-White A. Violence in Roman Politics // JRS. 1956. Vol. 46. P. 6–7.

¹² Трухина Н. Н. Политика и политики «золотого века» Римской Республики. М., 1986. С. 55, 112, 133, 155.

¹³ Трухина Н. Н. Сципион Африканский и Катон Цензор, их политические программы // Древний Восток и античный мир. М., 1980. С. 196–219.

¹⁴ По его мнению, выступления знати против Глабриона, Луция Сципиона, а затем и Публия Сципиона Старшего отражали стремление знати поддерживать в своей среде равновесие, которому угрожали эти победоносные полководцы. См.: Gruen E. S. Op. cit. P. 263–267.